

Содержание

Павел Амнуэль
Владимир Борисов
Владимир Марышев
Борис Богданов
Игорь Книга
Михаил Эм
Нина Левина
Лариса Рогушова
Владимир Романов
Александр Лещенко
Федор Береснев
Роман Арилин
Мира Пушкарева

Дэн Шорин
Денис Кальнов
Ольга Крутикова
Эрих фон Нефф
Пауль Госсен
Георгий Кулишкин
Александр Герасимов
Александр Тихомиров
Леонид Ашкинази
Лариса Володимерова
Ирина Клеандрова
Ерофим Сысоев

ISSN 1866-6310

Выходит 4 раза в год

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

ЛЕМ

посвящается столетнему юбилею
Станислава Лема

Павел Амнуэль
Бейт-Шева, Израиль

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БУДУЩЕГО

В произведениях замечательного польского писателя Станислава Лема можно найти множество новых научно-фантастических идей, значительно опередивших свое время.

При жизни пан Станислав мог сам проследить, как и почему входили в жизнь его идеи — например, идея компьютерного «фантомата», виртуальной реальности, о которой в шестидесятые годы даже и не думали специалисты по кибернетике.

В 2005 году впервые на русском языке вышла книга Станислава Лема «Молох». Это не фантастика, а сборник эссе и статей. Большая часть материалов появилась в польской периодической печати в середине девяностых годов прошлого века, но есть и статьи, датированные 2000 и 2001 годами. Прожив тридцать-сорок лет после публикации сочинений, создавших ему имя в мире научной фантастики, Лем мог «остановиться, оглянуться» и здраво оценить и то, что произошло за эти годы с человеческой цивилизацией, с культурой, с той ее частью, что называется научной фантастикой, и, естественно, с той частью научной фантастики, развитие которой прямо зависело от его, пана Станислава, личного вклада.

Эволюция взглядов Станислава Лема показалась мне настолько удивительной для писателя-фантаста и философа, что возникло желание поспорить, доказать автору, что он не прав. Так как в этом мире наша личная встреча так и не состоялась, мне не остается ничего иного, как поговорить со Станиславом Лемом в той форме, в какой он сам, порой, отвечал своим оппонентам.

Владимир Романов
Саранск

ОБНОВЛЕНИЕ

Профессор Воображенный заканчивал работу над обновлением ПО своего андроида. Уже пять лет он пытался совместить идеальное тело с идеальной «душой». И, по его мнению, он уже был близок к этому: с каждым патчем вносимых изменений было всё меньше и меньше.

«19:48. Обновление завершено, — записал профессор в своём дневнике. — Галатея версии b3.14 к работе готова. Надеюсь, она наконец-то научится готовить правильный чай в зависимости от моего настроения».

Галатея загрузилась и открыла глаза. Потянулась. Зевнула. Посмотрела в серые глаза Воображенного и покорно улыбнулась.

— Дорогая, сделаешь мне чай, — профессор сразу же решил проверить главное в установленном обновлении.

— С удовольствием, — лёгкое прикосновение губ к профессорской щеке.

Воображенный довольно смотрел вслед удаляющейся девушке. Пока что всё шло хорошо.

Через несколько минут запах ошпаренной кипятком мяты заполнил лабораторию. Галатея принесла две чашки чая: профессор не любил пить в одиночестве. Подул на горячую поверхность, осторожно глотнул. Идеально! Воображенный, явно довольный собой, сделал ещё несколько глотков и потянулся к клавиатуре, чтобы сделать заметки.

Кружка выпала из морщинистых рук. На полу лаборатории образовалось чайное озеро с островками стекла. Галатея бережно подхватила тело Воображенного и понесла его в соседнюю хирургическую лабораторию, где профессор раньше изучал анатомию человека.

«Мне запрещено причинять человеку какой-либо вред. Но я и не хочу этого. Просто сделать менее ворчливым и капризным. Может быть, не таким грубым. Многие жалуются на его несносный характер. И если я исправлю его, всем станет только лучше. Но допустимо ли это? Может ли вскрытие черепной коробки считаться за причинение вреда? Безусловно, может. А в медицинских целях? Для спасения жизни мне разрешено проводить любые операции. Может ли изменение характера спасти жизнь профессору?» — Галатея вспомнила убийственный взгляд ассистента, на которого вчера накричал профессор Воображенный. Однажды он сказал ей, что любящие люди должны совершенствовать друг друга. Сомнения покинули девушку, и она приступила к трепанации черепа.

Галатея с любопытством разглядывала обнажённый мозг: «Интересно, что здесь отвечает за предпочтения в чае?»

Александр
Лещенко
Ростов-на-Дону

ДОРОЖНЫЕ ВОЛКИ

— Кажется, у нас проблема, — Sandra кивнула на зеркало заднего вида. — Или даже проблемы.

Макс посмотрел туда и увидел, что бронированный фургон «Дорожных Волков» нагоняет банда рейдеров. Они подъехали ближе, и он разглядел намалёванный белый череп с костями на машинах и одежде.

Фургон догнали два мотоциклиста, рейдеры принялись охаживать борта машины цепями. Sandra дала им войти в раж, после чего резко вильнула сначала влево, потом вправо. Оба мотоциклиста слетели с дороги. В зад фургона ударил внедорожник, легковушка стала обходить справа. Макс подождал, пока автомобиль поравняется с окном, а затем нашпиговал водителя и пассажира свинцом. Легковушка завилыла из стороны в сторону и впечаталась в столб.

ПРОДЛЕНИЕ

— Тёма, привет! Как дела?

Света сделала круглые глаза и шёпотом, словно ее могли подслушать в соседней машине, сказала мужу:

— Это Тема! Из туристического лагеря....

Потом бодро продолжила говорить в экран смартфона:

— Сынок, ты как там? Рассказывай...

Муж нахмурился и начал скакать по рядам, бросая машину с отчаянием вышедшего в тираж циркового гимнаста.

— Гена, меня стошнит от твоих манёвров. Тебе от Тёмки привет. Включить громкую связь?

Гена быстро и яростно, что-то у него даже смачно хрустнуло в шее, мотнул головой. К черту, мол.

— Говорит, с девушкой познакомился... — придушив микрофон, сказала Света. — Хочет с ней на яхте поплавать недельку.

Гена покраснел, надулся и включил радио.

— Сына, папка тебе передает привет. Но он еще сердится за машину, что ты без спроса взял, — пулеметной очередью выстрелила Света. — Ты смотри, чтобы без проблем, взрослый уже. Пока-пока.

Гена рванул руль и резко выехал на обочину. Включил аварийку и открыл окно, впуская шум от ползущих в правом ряду фур.

— Света, чего тебе сказать хотел... — вцепившись в руль до побелевших пальцев, начал он. — Я прошу...

Она его перебила, медленно и тяжело проговаривая каждое слово:

— Не надо. Ничего. Говорить. Поехали.

Стоянка перед зданием из красного кирпича пустовала. Пятница, вечер, дачи. Кто поедет в такое время на кладбище? Но у них получилось, как получилось.

Тополиный пух метался под ногами, взлетал и беспокойно лез в глаза, проверяя наличие скорби. Не забыли? Принесли с собой?

Свежий, высохший на солнце до раздражительной желтизны холмик из песка. Временный крест из дерева. Пусть могилка оседет, а потом уж и памятник можно ставить. Наверное, пусть будет из серого гранита, автоматически думалось Светлане.

С фотографии, укутанной в помутневший пакет, смотрел Тёмка. Это фото было сделано примерно за год до той аварии. Взял машину отца и поехал кататься...

Генка прилаживал букетик из красных гвоздик, а они все норовили выпасть из обрезанной пластиковой бутылки.

— Подрежь их немного, криворукий, — сказала Света, доставая плоскую бутылочку из сумки. Махнула сразу половинку коньяка, выдохнула и вытерла слезы.

— Ген, ты думаешь, я совсем поехала? Я же понимаю, что это просто какой-то там искусственный интеллект. Подгрузили информацию-биографию, скопировали голос, алгоритм беседы. Но когда говорю, то мне кажется, что он из другой вселенной. Где все нормально, и никакой аварии не было. Есть же теория о разных Вселенных, а, Ген?

— А я вот не могу его голос слышать, потому что это все обманка, — муж сорвался голосом в пелуха. — Света, он же умер. Ты же можешь его отпустить, наконец... Пару месяцев я терпел. Прошу, отмени подписку на этот сервис.

— Да, ты прав, Ген, — бесцветно ответила Света, — Его сейчас черви едят в могиле, ни в какой отпуск он не уехал... Не буду продлевать подписку.

Зазвонил телефон. Света покосилась на экран и увидела иконку Тёмки, она выставила его на номер того сервиса.

— Не отвечай... — бросил в нее колючими словами муж.

— Тёма, привет! Как дела?

Мира Пушкарева
Костанай, Казахстан

МАМА

— Мама любит меня больше всех.

— Почему ты так думаешь? — спросил голос в голове.

— Она меня не бьёт, почти не ругает. Когда к ней приходят гости, она не запирает меня, как других, в каморке, я ей не мешаю то есть.

Этот голос появился в голове около двух недель назад. Сначала я испугалась, но теперь привыкла к нему и иногда даже, когда было грустно или страшно, звала его сама. Вот как сейчас. Я шагала по ночному тротуару к магазинчику за углом. Мимо проезжали машины, но водители не обращали на меня никакого внимания. Это и к лучшему. Нам нельзя привлекать внимания к маме. Иначе, она говорит, нас заберут и закроют в детдоме, будут издеваться и переучивать как жить. А то и на органы продадут.

— В вашей семье есть ещё такие, как ты?

— Нет, я одна. Правда, Маришка ещё малышка, может, и с ней чего получится, когда подрастёт.

— А ты маму любишь? — задал неожиданный вопрос голос.

Я задумалась на мгновение, но тут же утвердительно махнула головой.

— Очень люблю. Мама подарила мне жизнь. Она называет меня особенной. Иногда даже разрешает принести сладкое или новую одежду, а самое главное, гулять в истинном облике.

— Это как?

— А это не ваше дело! — я запыхтела и зашагала быстрее, пытаюсь не думать о госте в голове. Но он сделал свое дело. Противное отражение в зеркале с темно зелёной кожей и ярко алыми зрачками успело встать перед глазами. Я зажмурилась на пару секунд. Призрак исчез.

Магазинчик работал круглосуточно. Я зашла. Тёплый электрический свет как будто согревал после прохлады улицы. Подошла к витрине с водкой, взяла две литровых бутылки и засунула в рукава куртки. Третью решила нести так. Направляясь к выходу из магазина, захватила ещё булку хлеба и яблоко. Продавец, как всегда, ничего не заметила. А я не заметила только установленные по периметру магазина новенькие камеры. Голос в голове молчал.

— Невидимка, что ли? Мутант? — Один из мужчин в военной форме наблюдал за экранами мониторов, на которых синим светом искрились витрины магазина.

— Определённо, — ответил второй, сидевший чуть поодаль, — причем сильный. Видал, как она искажает материю и делает невидимым то, к чему прикасается?

— Спасать её надо. Мамаша у неё — жуть. От человека только имя и осталось. По венам спирт бежит, наверное. Телепатическая связь с девчонкой ещё сильна?

— Она её отрубает, когда дело жареным пахнет. Но теперь не отвертится. Справимся, убедим, чтоб без фокусов, — второй надел прибор с присосками и лампочками на голову, — не как в прошлый раз.

Он вспомнил отчёты об операции, когда его коллеги пытались забрать ребёнка-поджигателя из семьи, а он с испугу всю деревянку сжёг, всю группу "спасателей" и себя вместе с ней. Теперь они действовали осторожнее. Военный включил прибор.

— Как дела? — голос в голове.

— Всё хорошо, дети съели яблоко и спят. Мама довольна.

Дэн Шорин
Алматы, Казахстан

НЕЙРОЛИНК

От центра Линдона Джонсона до моего дома немногим больше десяти миль. Проехать по НАСА Байпас, повернуть налево на Галф Фриуэй и потом направо на Лиг-Сити-Паркуэй. Дорогу я всегда доверяю автопилоту: после многочасовых тренировок хочется быстрее добраться до дома и нырнуть в постель. Заползаю в теслу и выбираю маршрут. Двигатель тихо урчит, и автомобиль мягко выезжает со служебной стоянки. Главное преимущество золотого значка астронавта — персональное место для парковки. Коллеги шутят, что ради этого стоило подниматься наверх. Я не разделяю их веселья — слишком многое я оставила там, чтобы продолжать радоваться мелочам.

— Рэй, я еду домой, — сообщаю мужу. — Буду через полчаса. Если не попаду в пробку.

Трафика на Галф Фриуэй практически нет, автопилот выдаёт около шестидесяти миль в час. Проматриваю новостные заголовки: после пресс-конференции больших боссов журналисты снова перемывают косточки проекту «Артемис 3». Самый популярный вопрос: «для чего тратить колоссальные средства на лунную программу, если в Африке голодают дети?» Впрочем, ответ на этот вопрос очевиден. Африканским детям не хватает еды, потому что местные правительства погрязли в коррупции, а Америка отправляет астронавтов на Луну, потому что может себе это позволить. На второй по значимости вопрос: «кто из астронавтов первым в этом веке оставит отпечаток ноги на реголите?» НАСА ответа пока не даёт. Люди строят предположения, букмекеры принимают ставки. Всё как всегда.

Красная Toyota Corolla подрезает меня перед самым съездом на Лиг-Сити-Паркуэй. Резкое торможение, толчок, противный скрежет, левое зеркало взрывается осколками. Закрываю глаза и в следующую секунду оказываюсь в космической пустоте.

Звезды впиваются в глаза яркими иглами, на голову давит нестерпимо огромный шар Земли, чуть в стороне висит цилиндр Хаббла, от него, вращаясь, по ломаной траектории удаляется Crew Dragon. В корпусе зияет рваная дыра — живых на борту не осталось. Я лишь пылинка перед бесконечностью космоса. Внутри нарастает ужас. Хочется признать поражение, сдаться, но я обязана выжить, победить, чтобы смерть парней не была напрасной.

— Миз, вы в порядке? — до меня доносится красивый мужской голос с мягким британским акцентом.

Открываю глаза. Тесла стоит на обочине, в окно заглядывает подтянутый мужчина лет тридцати пяти в серой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Красавчик с голливудской улыбкой. О таких обычно вздыхают гламурные девицы неопределённого возраста. К счастью, в НАСА гламурных девиц не держат.

— Прошу прощения? — выгибаю бровь.

— Джейкоб Гилл. Это я у вас прошу прощения. Я немного не справился с управлением, и мне очень стыдно.

Осматриваю себя, потом машину. Руки-ноги целы, даже воздушная подушка не сработала. Похоже, сегодня одна впечатлительная особа отделалась лёгким испугом и раскуроченным зеркалом.

— Надеюсь, у вас есть страховка? — моим голосом можно охлаждать бурбон.

— С лимитом в сто тысяч долларов. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

Эту улыбку я уже ненавижу. Выхожу из машины, делаю несколько фотографий на айфон и отправляю их своему страховому агенту. Через пару минут приходит оповещение, что всё окей, можно не волноваться. Как дальше между собой будут разбираться страховые компании, меня не интересует.

— В следующий раз будьте внимательнее, — пытаюсь быть вежливой и политкорректной. Если у мужчины обе руки левые — это диагноз.

— Может быть, я заглажу свою вину, пригласив вас в ресторан?

Нахал и глупец в одном флаконе. Мелькает мысль согласиться и основательно растрясти его кошелек, но я её тут же прогоняю. После семи часов тренировок под водой — сегодня мы вместе с новым набором отрабатывали выход в открытый космос — сил не осталось совершенно.

— Вы не в моём вкусе, — говорю прямым текстом и сажусь в машину.

РАССКАЗ

Эрих фон Нефф
Сан-Франциско

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ (Сан-Франциско, 1949)

Билли Рэй по прозвищу Ман Рэй¹ постоянно таскал на своём армейском ремне кобуру с немецким «люгером». Зачем ему на смене нужен пистолет, Билли не говорил. Не то чтобы он выставлял пистолет напоказ, но и не особо прятал — все видели торчавшую из кобуры рукоять. А чтобы скомпенсировать перекосящий карман, на другом боку Билли носил фляжку с элем «Ренье». Как он сам говорил: «Это для равновесия». Впрочем, когда он выхлёбывал пиво из фляжки, равновесие его нарушалось, по крайней мере до тех пор, пока он не пополнял запас поила или не доставал из кобуры свой верный «люгер».

Бригада 87, как все прочие докерские бригады в порту, была довольно пёстрой командой. У Ларри-крюка был стальной крюк вместо левой руки. На прошлой войне, во время наступления в Арденнах какой-то фриц проткнул ему руку штыком. Ларри в ответ засадил свой штык вражине в горло. Потом, когда Ларри валялся на койке в грязном полевом госпитале, у него началась гангрена. А ведь он собирался пойти по отцовским стопам, хотел стать плотником. Мечтам не суждено было сбыться. С крюком вместо руки какой из него плотник? Пришлось подыскивать себе другую профессию. Какую? В южной части Маркет-стрит, где жил Ларри, всякий из портовых знал, что с крюком сподручнее таскать мешки с кофе или другим сыпучим грузом. А уж если крюк приделан прямо к культе, то так даже лучше — так сказать, твой рабочий инструмент един с телом и разумом.

Бригадиром восьмидесятой седьмой был Тунец Тони. Он оглядел парней собравшихся на смену. Билли Рэй, Волчара Дэн и его закадычный приятель Медведь, Башмак Джонни, Завал Луи, Ларри-крюк. Других Тони предпочёл бы не видеть вовсе. Аугустиньо был даже не американец, приехал из Кабо-Верде.

— Останешься с Завалом на причале, — сказал ему Тони. — Остальные идут со мной в третий отсек.

Бригада потянулась на борт по узкому шаткому трапу. Чтобы по нему перейти, нужно было обладать определённой моряцкой сноровкой.

Завал Луи сел на оранжевый ящик, достал из кармана вестерн в потрёпанной мягкой обложке и углубился в чтение. Аугустиньо уставился на сухогруз, на его чёрные борта, покрытые пятнами ржавчины, на загадочное переплетение такелажа. Через несколько минут на причале показался приехавший со склада автопогрузчик. Услышав жужжание лебёдки, Луи взглянул наверх, затем засунул книжку в карман и махнул рукой Аугустиньо, чтобы тот принял стропы. Вдвоём они заправили стропы под стопу паллет; лебёдка зажужжала снова, унося паллеты в трюм.

Вскоре Луи и Аугустиньо приняли первую паллету с кофе, которую погрузчик повёз на склад. Одна за другой паллеты прибывали из трюма. Из первого отсека, из второго, из третьего. Погрузчик отвозил кофе на склад, откуда он отправится к производителям — Maxwell House, Hills Brothers, MJB... Люди будут пить кофе утром, днём и вечером, зная не зная про то, где его собрали и откуда привезли, просто чтобы насладиться вкусом, согреться или взбодриться.

Наконец с паромной башни послышался пронзительный звук сирены, возвещавшей полдень. Время подкрепиться. Бригада затопала вниз по трапу. Только Билли Рэй остался в трюме. Сказал, что у него есть бутерброд с салями.

Перекусив в баре «У Риордана»², Тунец Тони, Волчара Дэн, Медведь и остальные вернулись на причал. Когда они поднялись на борт, Дэн подошёл к открытому люку и посмотрел в трюм. Дэн и

другие докеры постоянно так делали после ланча, просто чтобы прикинуть, сколько ещё осталось работы. На первый взгляд казалось, что за полсмены груза как будто и не убыло.

— Тсс, парни, — сказал Дэн, понизив голос, и поманил остальных, чтобы они тоже подошли и посмотрели в трюм.

Билли Рэй сволок в кучу несколько мешков с кофе, соорудив некое подобие огневой точки для пулемётчика. Бог знает, как он справился с этим в одиночку. И вот теперь Билли Рэй ползал позади мешков и вопил: «тра-та-та!» — как будто строчил из пулемёта по врагам. Прекратив «стрельбу», он потянулся к ремню, словно за гранатой, сделал вид, что выдёргивает чеку, взмахнул рукой...

Дэн переглянулся с остальными. Медведь и Тунец Тони двинулись было к ведущей в трюм лестнице, но Дэн удержал их за плечи.

— Похоже, что бой ещё не закончился.

Билли Рэй подобрал деревянную рейку, ухватил на манер винтовки с примкнутым штыком и ринулся в атаку через импровизированный бруствер. Несколько раз ткнул рейкой первый попавшийся мешок.

— Вот тебе, сукин сын! Получи!

Отбросив рейку, Билли Рэй схватился за висевший на поясе стропорез³. Навалившись на мешок сверху, он всадил в него нож, а затем вцепился обеими руками, как будто душил врага.

— Это тебе за Майка! Это тебе за Майка!

Затем Билли Рэй снова принялся стаскивать мешки, укрепляя бруствер.

— Наверное, будет другая атака, — приговаривал он. — Нужно подготовиться.

— И что нам с этим делать? — спросил Медведь у Тони.

— Идти на подмогу, — ответил бригадир.

— Чего?

— Будь другом, прояви уважение. Парень сражался на войне как герой. Просто подыграем ему. Ты ведь не хочешь его расстраивать?

Медведь понятия не имел, что Билли Рэй был ветераном. В каких войсках он служил — в армии, в морской пехоте? Где воевал? На Иводзиме? В Арденнах? А медали у него есть? С какой стати он герой?

Тунец Тони и остальные члены бригады спустились в трюм. Билли Рэй посмотрел на них словно не узнавая.

— Враги подступают. Я точно знаю, скоро они нападут опять, — сказал он. — Нужно подготовиться. Помогите мне с мешками. Эти фрицы такие хитрые. В прошлый раз чуть не прорвались на этом участке. Наверное, в следующий раз двинут южнее...

Начальник участка Джим Стивенс, которого с прежних, бригадирских времён свои звали Буйволом, за время ланча накатила пару порций «курвуазье» в баре «Пристань». С тех пор, как его поставили начальником четыре года назад, Буйвол мог ни в чём себе не отказывать. Новый автомобиль марки «хадсон», коньяк, дорогие платья для жены, дом в округе Ричмонд, где его дочь ходила в школу при церкви Святого Апостола Фомы. Да, он жил на широкую ногу.

Из бара Буйвол шёл пешком в свой кабинет на двадцать седьмом причале, где он заполнял ведомости на зарплату. Слава богу, учителя английского в колледже уделяли особое внимание тому, чтобы выработать у студентов хороший почерк. Так что теперь Буйвол мог просто прогуливаться по причалу в своём костюме от «Брукс бразерс» и начищенных до блеска ботинках «Флоршейм». Поглядывать, как движется работа. Почти формальность, так как он знал, что может положиться на своих бригадиров и докеров.

До чего же хорошо быть начальником! В первом отсеке работа кипит, и во втором — тоже. Так, а что там с третьим? Вы только посмотрите: Ларри, сигнальщик⁴, облокотился на релинг и потягивает пиво из бутылки, спрятанной в бумажный пакет. А где лебёдка? Почему её не слышно? Сломалась что ли? Чёрт, да что тут такое?

Буйвол поднялся на борт по трапу, затем спустился по лестнице в трюм. Завидев начальника, Тунец Тони тут же метнулся ему навстречу и торопливо объяснил в чём заминка.

— У Билли случилось помрачение. Мы не хотим, чтобы ему стало хуже.

Александр Герасимов
Калининград

Из цикла "МОЙ КИТАЙ"

«В КИТАЕ ЛЮДИ МНОГО»

Как-то сидели за столом вчетвером: я и трое китайцев.

— Друзья! — говорю. — Знаете, что в мире каждый четвёртый — китаец? — оглядел присутствовавших. — Сегодня китаец — я!

Шутка понравилась. Закивали головами: «В Китае люди много!»

По мнению некоторых моих соотечественников, китайцы теснятся на небольшой территории и рвутся заселять наш Дальний Восток и Сибирь. На самом деле площадь Китая лишь немногим уступает Европе: от Португалии до Урала. Да, население почти в два раза больше европейского, но и незаселённых тундры и приполярных островов там нет. Жители северных провинций мечтали бы перебраться в южные, в субтропики, а не в морозную Россию. На красочных иллюстрациях ада в буддистских храмах самое страшное истязание для грешников — лютый холод, — у бедолаг сосульки с носов свисают.

Как везде в мире, территории у них заселены неравномерно. Правительство вкладывает миллиарды юаней в развитие северных провинций, соседствующих с нами. Но даже жители российского Дальнего Востока порой заявляют, что китайские приграничные города развиваются за счёт «ограбления» России. От металлолома и леса-кругляка, что мы сами азартно вывозим за Амур? Наивные заблуждения. Кстати, в Китае мораторий на вырубку собственных лесов.

А знаете ли вы, что в Китае во всех провинциях единое пекинское время? Географически должны быть четыре часовых пояса. Но государственные учреждения начинают работу одновременно, как и школьники учёбу, — так было и при императорах.

Что даже народ национальности хань разных провинций с трудом понимает диалект соседей? Официально в Китае 56 национальностей, ханьцами себя считают 92 процента, но при этом они даже для переводчиков кажутся разноязычными. Письменность — единая, иероглифы у всех обозначают одни и те же понятия и объекты.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА ПО-КИТАЙСКИ

Китайцы выпить тоже не дураки. Убеждены, что умеют пить много, в отличие от варваров. Ведь все неподданные Поднебесной только внешне люди, — никогда вам этого не скажут, но я знаю. Когда мои сограждане с конца восьмидесятых зачастили в Китай, местные рассматривали нас, как мы бы папуасов. Для них мы были на одно лицо. Но некоторых они выделяли. Трогательная картинка с китайской улицы: на моего друга здоровяка-белоруса Васю Деревлёва две симпатичные девчушки уставились раскосенькими глазками, перешёптываются, видят добродушную физиономию, осмелели подошли, тонкими пальчиками трогают завитки рыжих волос на могучих васиных руках, смеются, как если тот был орангутан...

Так вот, на рубеже восьмидесятых-девяностых бросились мы укреплять дружбу и добрососедство, вспомнили, что русский с китайцем братья навек. Официальные делегации, переговоры, протоколы намерений, банкеты. Мы угощаем хлебосольно, как можем. Китайцы ещё щедрее: столы заваливают губажоу (кисло-сладкой жирной свининой в кляре), томлёной рулькой и обжаренными в воке карпами, кузнечиками, куколками шелкопряда, а к финишу — лапшой и пельменями (длинную лапшу подавали при приездах — «чтобы встреча длилась дольше», а пельмени при расставаниях — «они короткие», — такие китайские церемонии). И — байцзю, китайская водка, с непривычки быстро ароматная, но мягкая. А пить водку надо из мельничих, с напёрсток, рюмочек.

Каждый раз китайцы пытались наших напоить до упаду, показать — они-де сильнее. Не получалось. Перешли к коварству. Выбрав русского размерами покрупнее — для наглядности желаемого эффекта — начинали провозглашать в честь него затейливые здравицы. Самым большим в моих делегациях всегда случался я. Выглядело так: с одной стороны стола мы, с другой — десяток китайцев.

Александр Тихомиров
Москва

ЗАПАХ

Называлось это так: Ордена Трудового Красного Знамени Нижнетагильский детский дом № 1 с особым режимом для трудновоспитуемых и подростков из неблагополучных семей. И меня там, было время, воспитывали.

Только однажды написал об этом — за всю журналистскую биографию. И то из жесткой необходимости.

Был тогда корреспондентом свердловской областной молодежи "На смену!". В командировке, в Камышлове кажется, встретил давних приятелей. Выпили. Потом еще и еще. Вернулся ни с чем, без заготовок, без комсомольских героев.

— Материал готов? — спросил наутро ответственный секретарь.

— М-м-м... Не совсем...

— До двух часов допишешь, надеюсь?

— Точно нет! Поставь что-то другое.

— Давай другое.

— Да нет у меня! Сейчас нет.

Он глянул на меня грозно, в упор.

— И у меня нет. Ты уже в третий раз нас так подставляешь! До двух материал не сдашь — вот так выйдем... — И ткнул мне под нос газетный лист с пустым подвалом¹.

Вот тогда и написал я очерк о детдомовском воспитателе Петре Лукиче Хмиле. За четыре часа. Пятьсот с лишним строк. Будто всё уже сложено было внутри меня, лишь эпизоды точнее расставлял и знаки препинания. В кабинет стучались, ломались — не слышал. Даже вычитать не успел — отнес в секретариат. Потом премию Союза журналистов СССР получил за этот очерк, аж пятьсот рублей! Пять зарплат по тем временам.

Перечитывал пару раз с тех пор. Красиво! Приподнято!

Вот кусочек оттуда...

"Вир зинд щвайне!" — прочел я однажды на дне алюминиевой миски. И удивился: откуда такая попала в нашу столовую?

— Трофейная! С фронта! — подсказал кто-то. А рядом кто-то грамотный перевел: "Мы — свиньи!" Кругом засмеялись: "Давайте подсунем ее Тарлыку!".

Тарлык съел суп и озадаченно почесал затылок.

С тех пор это превратилось в развлечение. Каждый раз миску подсовывали непосвященному.

— Над чем это вы смеетесь? — поинтересовался Лукич.

Ему показали миску. Ожидали, что улыбнется, а он потемнел лицом и засверкал глазами. Мы испугались и пооткрывали рты, когда Лукич взял миску и начал гнуть ее о край стола. Он сдвинул ее в лешку — откуда только и сила взялась! — размахнулся и швырнул далеко-далеко, за огороды.

— Мы люди, — сказал он и выпрямился. — Мы лю-ди!

Повскакали с мест и тоже выпрямились — столько силы было в его голосе, столько твердости во взгляде. Вдруг впервые почувствовали гордость за то, что мы ЛЮДИ.

Встало что-то в душе в полный рост и не падает до сих пор."

Этот очерк напечатан был в журнале "Смена" в 1966-м году. Что-нибудь еще хотели из моего — по детдомовской теме. Но собраться написать я так и не смог. Не лень была причиной, а сомнение. Имею ли право честно, до конца, открывать то, что было со мной внутри воспитательной системы,

¹ Подвал — нижняя половина газетной полосы (листа).

Ирина Клеандрова
Калининград

Beati augusti

Розовым костром — закат на доме.
Никнут астры. Изжелта-соломен
высушенный солнцем виноград,
небо на изломе стынет алым;
пахнет настоящим, спелым, палым,
в скошенной траве лучи лежат,
падают ранетки — догорая
брызгами потерянного рая,
источая благость; собирая
горечь лета и последний жар.

Август спит — а может, просто снится...
И плевать — душа порхает птицей,
жизнь не душит, не пугает смерть;
патокой кленовой звёзды светят,
на дубы наматывает ветер
гулкую сияющую медь,
флоксы гнёт —
то дёрнет, то отпустит...

Время снов и сладкой, светлой грусти
по всему, что рвётся прочь из рук —
серебристой дрожью паутины,
горстью бликов, криком журавлиным —
торопя осеннюю пору.

Birds

*Пустыня ширится сама собою: горе тому,
кто сам в себе свою пустыню носит!
Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»*

I.

Без азарта тасуя колоду, паля года,
будто спички — ты знаешь, что никогда
не исправится то, что срослось —
без наркоза — криво.

Ад приходит за каждым; в нём сходятся все пути,
двери тронь — и мечты разлетаются стаей птиц,
синих птиц, тонкошеих, угрюмых и молчаливых.

И тебе бы махнуть, улыбнуться: «Пускай живёт!» —
но ты слишком упрям, за тебя говорит ружьё —
ты стреляешь им вслед, будто в тире —
спокойно, метко,